ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

Въ турецкую войну нашу 1769 года, Государыня Императрица Екатерина II повелѣла готовиться балтійскому флоту въ походъ, въ Средиземное море, чтобы побезпокоить турокъ съ того конца, гдѣ они русскихъ не ожидали. Изготовлено было 7 кораблей, 1 фрегатъ, 1 бомбардирское судно, 6 транспортныхъ судовъ и начальство надъ ними поручено адмиралу Спиридову. 17 іюля государыня сама посѣтила флотъ на кронштадтскомъ рейдѣ и благословила адмирала орденомъ Св. Александра Невскаго. На другой день флотъ снялся, имѣя 8 ротъ пѣхотныхъ солдатъ и 2 роты артиллеріи, для десанта.

Послѣ разныхъ похожденій, при которыхъ нѣкоторые корабли отстали, другіе зашли въ иностранные порты, одинъ транспортъ разбился въ Категатѣ, а одинъ корабль и вовсе покинутъ былъ въ Англіи, флотъ нашъ собрался къ зимѣ въ Средиземномъ морѣ. Приданъ былъ еще контръ–адмиралъ Эльфинстонъ, съ тремя

кораблями, двумя фрегатами и нѣсколькими транспортами, а главное начальство на морѣ и на сушѣ принялъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Всю зиму флотъ занятъ былъ блокированіемъ или занятіемъ турецкихъ городовъ и крѣпостей, то высадкой, то сборомъ тутъ и тамъ войска, въ подкрѣпленіе грекамъ; но по безтолочи ихъ, своевольству, непривычкѣ къ порядку и послушанію, всѣ попытки ихъ, даже при нашей помощи, были довольно неудачны. Весной 1770 года турецкій флотъ вышелъ изъ Цареградскаго пролива и черезъ Дарданелы; тогда флотъ нашъ всѣми силами пустился на поискъ за нимъ.

Контръ–адмиралъ Эльфинстонъ, съ тремя кораблями и фрегатомъ, первый открылъ, въ половинѣ мая, непріятеля, за мысомъ Св. Ангела, на самой южной оконечности турецкаго полуострова Мореи. Адмиралъ спустился на турецкій флотъ, не смотря на слабость свою, и завязалъ было сраженіе; но турки уклонились и при

затиши успѣли уйти буксиромъ въ заливъ Навплію.

На другой день подулъ намъ противный вѣтеръ; эскадра гнала къ вѣтру подо всѣми парусами и нашла турокъ на якорѣ, подъ крѣпостными пушками Навпліи. Наши открыли огонь, но опять заштилѣло; теченіемъ понесло корабли наши въ бухту, почему они вынуждены были бросить якорь, стать на шпрингъ, чтобы поворотиться лагомъ къ непріятелю, и продолжали сражаться; но къ вечеру вышли опять изъ бухты, при чемъ корабль Саратовъ, зашедшій слишкомъ глубоко, насилу выведенъ былъ гребными судами.

Видя, что съ такими неравными силами нельзя атаковать непріятеля подъ крѣпостью, адмиралъ отошелъ отъ бухты, выжидая выхода его въ море. Въ тоже время послалъ онъ греческое судно въ Наваринъ, гдѣ графъ Ѳ. Г. Орловъ занятъ былъ другими военными распоряженіями, извѣстить его, что турецкій флотъ отысканъ. 22–го мая графъ Ѳ. Г. Орловъ съ флотомъ соединился съ эскадрою

Эльфинстона у острова Цериго; 24–го въ полдень, при южномъ вѣтрѣ, открылся непріятельскій флотъ, на якорѣ при островѣ Специи. Поднятъ былъ сигналъ общей погони.

Турки спѣшно обрубили канаты, вступили подъ паруса и легли бейдевиндъ, на востокъ. Русскіе быстро на нихъ спускались. Южный вѣтеръ свѣжѣлъ; корабли Эльфинстона выбѣжали впередъ; къ 6–ти часамъ, когда вѣтеръ опять затихалъ, корабли Саратовъ и Нетронь–Меня открыли пальбу. Турки опять обрадовались затиши и отбуксировали корабли свои гребными судами внѣ выстрѣла.

На разсвѣтѣ, 25–го подулъ слабый N; турецкій флотъ былъ миляхъ въ четырехъ, на вѣтрѣ; погоня возобновилась, но безуспѣшно: при маловѣтріи во всѣ слѣдующіе дни, турецкій флотъ ушелъ изъ виду и скрылся за островами.

Адмиралы Спиридовъ и Эльфинстонъ раздѣлились, частію для наливки водой, въ которой терпѣли нужду. Затѣмъ, оба

отправились къ острову Цериго, за главнокомандующимъ, графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, подъ начальствомъ коего они желали атаковать турокъ.

11–го іюня графъ Орловъ соединился съ флотомъ у острова Специя; затѣмъ нѣкоторые корабли опять наливались водой, а 19–го флотъ направился къ острову Хіосу, отыскивать непріятеля и отрѣзать ему путь домой. Но опять, маловѣтріе удерживало флотъ нашъ; наконецъ 23–го іюня подулъ свѣжій SW и въ тоже время грекъ привезъ вѣсть, что турки стоятъ между Хіоса и азіатскаго материка, Анатоліею.

Флотъ нашъ пустился туда подо–всѣми парусами. Командоръ Грейгъ, высланный впередъ на кораблѣ Ростиславѣ, съ двумя малыми фрегатами, для опознанія непріятеля, въ 4 часа по полудни увидѣлъ весь турецкій флотъ, становившійся на якорь подъ анатольскимъ берегомъ. Командоръ Грейгъ поднялъ сигналъ: «вижу непріятеля»; графъ Орловъ поднялъ

другой: «всему флоту спуститься къ Ростиславу». Ночь заставила флотъ нашъ привести къ вѣтру; но непріятеля прижали къ берегу.

На разсвѣтѣ, въ 4 часа, главнокомандующій поднялъ сигналъ общей погони. Весь флотъ спустился въ кильватеръ ему; въ 6 часовъ, при входѣ въ проливъ, между островомъ Хіосомъ и матерымъ берегомъ, увидѣли непріятеля въ лѣвой рукѣ, подъ берегомъ этимъ, на якорѣ, въ двѣ линіи. Въ половинѣ 9–го, въ двухъ миляхъ отъ непріятеля, нашему флоту велѣно строиться въ боевой порядокъ, причемъ адмиралъ Спиридовъ начальствовалъ авангардомъ, графъ Орловъ кордебаталіею, а адмиралъ Эльфинстонъ аріергардомъ. Въ одинадцатомъ часу вся линія наша стянулась и состояла въ эту замѣчательную битву изъ слѣдующихъ судовъ:

АВАНГАРДЪ
Адмиралъ Спиридовъ.

Фрегаты:	Корабли:	Командиры:
Св. Николай		Кап. Крюйсъ
	66–п. Св. Евстафій	Адм. Спиридовъ
Бомб. корабль	66 — Св. Януарій	Кап. Борисовъ
Почтальонъ	66 — Три–Святителя	Рокебургъ

КОРДЕБАТАЛІЯ
Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Главноком.

Фрегаты:	Корабли:	Командиры:
Панинъ		Бригадиръ Грейгъ
	66–п. Три–Іерарха	Главн. Гр. Орловъ
	66 — Ростиславъ	Кап. Лупандинъ
	66 — Нетронь–Меня	Безенцовъ

АРІЕРГАРДЪ
Контръ–адмиралъ Эльфинстонъ.

Фрегаты:	Корабли:	Командиры:
Надежда	66–п. Европа	Кап. Клокачевъ
Африка	80 — Святославъ	Баржъ
Мелкія греческія суда		К.– Ад. Эльфинстонъ
	66 — Саратовъ	Кап. Хметевскій

У турокъ въ первой линіи стояло десять семи и осьми–десятныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ 96–ти и одинъ 100 пушечный; во второй 7 кораблей, 4 фрегата. Турки стояли хорошо; разстояніе между кораблями одной линіи было немного болѣе двойной длины судна; корабли поставлены на шпринги, чтобы ихъ не заворотило при перемѣнѣ вѣтра; суда второй линіи поставлены противу промежутковъ первой; вся линія стояла малымъ погибомъ, дугой, со впадиною по срединѣ; отъ берега были

они не далѣе полумили; правый флангъ примыкалъ къ низменному острову, лѣвый къ Чесменской губѣ. Гребныя суда, барказы и галеры держались на веслахъ между флотомъ и берегомъ, гдѣ расположенъ былъ станъ сухопутнаго войска.

Въ 11 часовъ данъ былъ сигналъ: «спуститься на непріятеля». Адмиралъ Спиридовъ съ авангардомъ тотчасъ началъ спускаться; а за нимъ въ кильватерѣ прочіе. Въ исходѣ 12–го передовой корабль, Европа, подошелъ на выстрѣлъ и непріятель открылъ сильный огонь, со всѣхъ кораблей: но наши молчали, и подошедши на пистолетный выстрѣлъ, вдругъ стали приводить вдоль непріятельской линіи, осыпая ее ядрами. Такъ дѣлали и всѣ прочіе корабли наши, оборачиваясь лагомъ противъ турокъ. Въ половинѣ перваго всѣ корабли уже вступили въ жаркое дѣло.

Скажемъ теперь слово о нѣкоторыхъ корабляхъ нашихъ порознь.

Авангардъ и кордебаталія въ особенности смѣло напирали. Корабль Европа, подойдя

вплоть, привелъ и положилъ марсель на стеньгу; но когда, слѣдовавшій за нимъ Евстафій, сталъ напирать, то Европа долженъ былъ уступить ему мѣсто, наполнилъ марсель и вышелъ впередъ крайняго, навѣтреннаго непріятельскаго корабля; затѣмъ онъ поворотилъ на другой галсъ, спустился и занявъ мѣсто позади Ростислава, вступилъ опять въ самый жаркій бой.

Евстафій, при быстрой и мѣткой пальбѣ, въ свою очередь также вышелъ впередъ тѣмъ же путемъ, также хотѣлъ поворотить, но по сильнымъ поврежденіямъ въ рангоутѣ не успѣлъ въ этомъ, увалился подъ вѣтеръ и навалилъ на передовой турецкій корабль (Реалъ–Мустафа). При самой свалкѣ пушечной и ружейный огонь не умолкалъ: турки стали бросаться за бортъ и достигать вплавь берега; но Мустафа загорѣлся, пламя пошло по снастямъ и парусамъ и перешло на Евстафій. На немъ былъ адмиралъ Спиридовъ и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, родной братъ главнокомандующаго; они едва успѣли

спастись на шлюпкѣ, какъ горящая гротъ–мачта упала на Евстафій, и этотъ взлетѣлъ на воздухъ. Это сдѣлалось такъ скоро, что шлюпки со всего флота, посланныя тотчасъ на помощь Евстафію, опоздали и успѣли только снять капитана Крюйса и двухъ человѣкъ съ остова взорваннаго корабля.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не зналъ о спасеніи брата своего до конца сраженія: онъ считалъ его погибшимъ.

Три–Святителя за Евстафіемъ, легъ бортъ–о–бортъ съ непріятелемъ и громилъ его ядрами. Увидѣвъ участь Евстафія и разсудивъ, что держа марсель на стеньгѣ и потерявъ ходъ, также поворотить противъ вѣтра не сможетъ, рѣшился поворотить черезъ фордевиндъ, для чего и долженъ былъ прорѣзать непріятельскую линію: при этомъ онъ утлегеремъ своимъ снялъ флагштокъ у одного изъ турецкихъ кораблей, прошелъ между обѣихъ линій непріятельскихъ и осыпая ихъ ядрами, вправо и влѣво, благополучно поворотилъ и вышелъ на просторъ.

За нимъ шелъ Св. Януарій: онъ стрѣлялъ залпами, проходя мимо, по каждому кораблю и не потерявъ ходу, когда шедшій передъ нимъ Три–Святителя долженъ былъ спуститься, поворотилъ противъ вѣтра на другой галсъ.

За Януаріемъ шелъ Три–Іерарха: чтобы не упасть на непріятеля, онъ бросилъ якорь противъ турецкаго флагмана, и отнесъ корму на шпрингѣ. Онъ до того одолѣлъ капитана пашу страшнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что тотъ обрубивъ канатъ, бросился на берегъ: но въ торопяхъ и въ страхѣ, онъ позабылъ обрубить кормовой шпрингъ свой; по этому корабль уклонился носомъ къ берегу, а кормой сталъ противъ борта Трехъ–Іерарховъ; съ четверть часа этотъ громилъ его продольными выстрѣлами и разбилъ въ пухъ.

За флагманомъ слѣдовалъ Ростиславъ: онъ также положилъ марсель на стеньгу и, оставаясь на одномъ мѣстѣ, осыпалъ непріятеля ядрами. За нимъ слѣдовали уже три аріергардные корабля, которые также

сдѣлали свое, но не подходили на такое близкое разстояніе къ непріятелю, какъ первые шесть кораблей, и были менѣе въ дѣлѣ.

Покуда оба флота были въ этомъ тѣсномъ и жестокомъ бою, гдѣ каждое ядро пробивало оба борта на вылетъ — а Св. Евстафій, наваливъ на навѣтренный непріятельскій флагманскій корабль, взялъ его абордажемъ, причемъ самъ адмиралъ турецкій, Гасанъ–Бей, былъ раненъ, бросился за бортъ и едва былъ спасенъ турецкою шлюпкой, а вслѣдъ затѣмъ Евстафій вмѣстѣ съ непріятелемъ загорѣлся, — турецкіе корабли, будучи всѣ подъ вѣтромъ, стали думать только о своемъ спасеніи: всѣ они стали рубить канаты, ставить паруса и уходить безъ оглядки въ Чесменскую бухту. Страхъ обнялъ ихъ, чтобы горящіе корабли съ навѣтру на нихъ не навалили.

Какъ только турки пошли на побѣгъ, то главнокомандующій, обрубивъ и самъ канатъ на Трехъ–Іерархахъ, поднялъ сигналъ: «гнаться за непріятелемъ» — и

турецкій флотъ въ такой тревогѣ и безпорядкѣ тискался въ бухту, что корабли давили и ломали другъ друга.

У насъ не было брандеровъ, которые бы легко было пустить на непріятеля, бывшаго въ такомъ разстройствѣ; графъ Орловъ велѣлъ всѣмъ кораблямъ бросить якоря, а самъ сталъ у самаго входа въ бухту, на пушечный выстрѣлъ отъ непріятельскаго флота. Графъ Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ послалъ въ самую бухту командора Грейга, на бомбардирскомъ суднѣ Громъ, чтобы въ неурядицу эту бросать бомбы и каркасы; въ тоже время приказалъ онъ снарядить брандерами четыре греческія судна, бывшія при флотѣ. Это поручено было бригадиру Ганибалу.

Все замѣчательное дѣло это (24–го іюня), за которымъ слѣдовало, какъ мы увидимъ, еще славнѣйшее, длилось не болѣе какъ полтора часа. Въ два часа пополудни турки уже стояли въ бухтѣ. Мы потеряли, конечно, много; на одномъ только погибшемъ Евстафіѣ: офицеровъ, морскихъ и сухопутныхъ 35, нижнихъ

чиновъ 473. На прочихъ корабляхъ: всего 13 убитыхъ и около 25 раненыхъ. Турки стрѣляли такъ безтолково, что всѣ ядра шли черезъ верхъ и одно только шальное ядро попадало въ корпусъ. На флагмановомъ кораблѣ избиты были всѣ три мачты, бушпритъ, реи; но этимъ турки, конечно не могли унять пальбы нашего флота. О потерѣ у турокъ, ничего даже близкаго къ дѣлу не знаемъ, но она, какъ видно по всему, была очень велика.

До самой ночи корабли наши чинились и снаряжали брандеры; во все время это Громъ бросалъ снаряды свои на турецкій флотъ, безпокоилъ его и держалъ въ страхѣ. Онъ уже и не смѣлъ болѣе отстрѣливаться. Брандеры, подъ надзоромъ бригадира Ганибала, поспѣли только на другой день (25–го іюня) къ вечеру.

Между тѣмъ турки также чинились и строили на берегу баттареи; шесть большихъ кораблей поставили они поперегъ, противъ входа въ бухту; остальные по бокамъ и за первыми, противу промежутковъ. Въ этомъ положеніи

ожидали они нашего нападенія; уйти имъ было некуда. Вѣтеръ дулъ NW, намъ попутный въ бухту, которая была биткомъ набита турецкими кораблями, транспортами, гребными галерами и даже купцами; при самомъ же входѣ въ бухту можно было стать не болѣе какъ тремъ кораблямъ въ рядъ.

По всему этому назначены были для приступа четыре корабля: Ростиславъ — командиръ Лупандинъ; Европа — командиръ Клокачевъ; Нетронь–Меня — командиръ Безенцовъ; Саратовъ — командиръ Хметевскій; два фрегата: Надежда — командиръ Степановъ; Африка — ком. Клеопинъ; затѣмъ бомбардирное судно и четыре брандера. Начальство надъ отрядомъ поручено командору С. К. Грейгу и ему приказано: войти лунною ночью съ эскадрою въ Чесменскую бухту, поставить суда какъ можно ближе къ непріятельскимъ, разгромить ихъ пушками и сжечь брандерами. Командирами брандеровъ назначены были охотники: Капит.–

лейт. Дугдаль, Лейтенанты Мекензи и Ильинъ и Мичм. князь Гагаринъ.

Въ 11 часовъ ночи 25–го іюня Командоръ Грейгъ поднялъ фонарь на гафелѣ, чтобы не встревожить непріятеля выстрѣлами; это былъ условленный сигналъ «сняться съ якоря». Корабли эскадры, идущей въ дѣло, отвѣтили фонаремъ на кормовомъ флагштокѣ: «готовы». Командоръ поднялъ три фонаря: «итти на непріятеля».

Европа въ полночь бросилъ якорь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ турокъ, они открыли по немъ съ кораблей и съ береговыхъ батарей сильный огонь; онъ сталъ на шпрингъ и отстрѣливался въ запуски отъ кораблей и отъ баттарей. Вскорѣ подоспѣлъ командоръ и бросилъ якорь съ Ростислава по самой срединѣ бухты, въ полукабельтовѣ отъ Европы, оставивъ его вправѣ. Нетронь–Меня въ тоже время бросилъ якорь лѣвѣе Ростислава, въ полукабельтовѣ отъ него. Фрегаты стали еще лѣвѣе, противу береговыхъ баттарей.

Часъ съ четвертью длилась страшная пальба, отъ которой земля и море стонали. Тогда каркасъ или зажигательное ядро, брошенное съ бомбардирнаго судна, упалъ въ рубашку гротъ–марселя турецкаго корабля; парусъ былъ изъ бумажной парусины, сухой какъ порохъ; пламя обняло его мигомъ и перегорѣвшая гротъ–стеньга упала на палубу и обдала огнемъ весь корабль. Страхъ обнялъ турокъ и командоръ, не упуская времени, подалъ сигналъ брандерамъ: «Спуститься на непріятеля и сцѣпившись съ нимъ зажечь ихъ.»

Капитанъ–лейтенантъ Дугдаль, на передовомъ брандерѣ, поставилъ всѣ паруса, прошелъ мимо командора; но тутъ встрѣтилъ двѣ гребныя турецкія галеры, которыя видно стерегли его и кинулись на абордажъ; онъ зажегъ брандеръ, бросился за бортъ и выплылъ на свою шлюпку, которая отдала бакштовъ при самомъ нападеніи галеръ и далеко отстала. Но турки пустили брандеръ ко дну.

Лейтенантъ Мекензи подошелъ очень близко къ непріятелю и зажегъ свой брандеръ: но въ это время пожаръ съ горѣвшаго турецкаго корабля перешелъ уже подъ вѣтеръ на три другихъ, а съ этихъ стало осыпать головнями сосѣдей и едвали не половина турецкаго флота стояла уже въ огнѣ, и брандеръ Мекензи навалилъ на горѣвшій корабль.

Когда затѣмъ третій брандеръ, лейтенанта Ильина, проходилъ мимо командора, то этотъ закричалъ ему: не зажигать брандера, не сцѣпившись напередъ съ однимъ изъ кораблей, бывшихъ у турецкаго флота на вѣтрѣ; потому что подвѣтренные уже сами собой загорались. Ильинъ исполнилъ это: сошелся бортъ о бортъ, зажегъ брандеръ, бросилъ брандскугель на непріятельскій корабль и самъ кинулся въ шлюпку.

Мичманъ князь Гагаринъ подошелъ на четвертомъ брандерѣ; но какъ уже большая часть турецкаго флота, въ тѣснотѣ этой, стояла въ огнѣ; то и онъ попалъ на горѣвшій корабль. Такимъ образомъ одинъ

только брандеръ Ильина могъ исполнить дѣло свое удачно; отъ брандера Ильина загорѣлась вся навѣтренная часть турецкаго флота.

Вмѣстѣ со спускомъ брандеровъ, корабли наши перестали стрѣлять, но какъ затѣмъ нѣсколько навѣтренныхъ (отъ своего флота) турецкихъ кораблей не загорались и продолжали пальбу, то командоръ также открылъ опять по нимъ огонь.

Къ тремъ часамъ ночи вся бухта стояла въ страшномъ огнѣ. Турки замолкли и были заняты только своимъ спасеніемъ: гребныя суда ихъ тонули или опрокидывались отъ множества народу, который бросался въ нихъ толпой; цѣлыя команды, обезпамятѣвъ, кидались въ воду, прыгая съ корабля другъ на друга и затопляя десятки и сотни людей; вся бухта, среди тѣсноты и множества объятыхъ пламенемъ судовъ, покрылась несчастными, которые, спасаясь, топили одинъ другаго. Не многіе изъ нихъ добились до берега. Командоръ отъ жалости къ нимъ приказалъ остановить

пальбу. На турокъ нагнали такого страху, что они не только бросали на произволъ судьбы незагорѣвшіеся еще корабли свои, но даже бѣжали изъ крѣпости и города Чесмы, откуда жители ушли еще прежде.

Приказавъ прочимъ кораблямъ отойти немного, для безопасности, отъ пожарища, Ростиславъ остался наблюдать за развязкой. На кораблѣ этомъ перекрѣпили паруса потуже, чтобы искра не могла завалиться, и обливали ихъ и весь такелажъ изъ пожарныхъ трубъ, а палубы и борты ведрами.

Гребныя суда посланы были, чтобы постараться выбуксировать одинъ изъ двухъ не загорѣвшихся еще турецкихъ кораблей. Ближайшіе корабли уже взрывало одинъ за другимъ на воздухъ; не смотря на это, посланные два офицера исполнили порученіе, но одинъ изъ кораблей этихъ загорѣлся уже на буксирѣ, отъ близкаго взрыва, и былъ брошенъ; другой, Родосъ, благополучно выведенъ къ флоту. На свѣту взяты были также брошенные турками галеры и барказы.

Затѣмъ въ бухтѣ не осталось, не только ни одного корабля, ни даже шлюпки, которая бы не сгорѣла или не была выведена къ эскадрѣ.

Командоръ вышелъ изъ бухты, отсалютовалъ флагману и отправился къ нему съ отчетомъ: нашъ уронъ былъ ничтожный; на Европѣ убито 8, на Нетронь–Меня 3; Ростиславъ опять потерпѣлъ только въ такелажѣ. Турки потеряли болѣе 10 тысячъ человѣкъ; взрывы продолжались до 9 часовъ утра. На всемъ флотѣ нашемъ служили благодарственный молебенъ, для чего командиры собраны были у главнокомандующаго. Послѣ обѣда графъ Алексѣй Григорьевичъ поѣхалъ осматривать побоище и нашедши нѣсколькихъ раненыхъ и тонущихъ турокъ, приказалъ подать имъ помощь. Мѣдныя пушки съ баттарей и частію съ затонувшихъ кораблей были взяты. Князь Юрій Долгорукій, поѣхавшій съ графомъ Орловымъ, говоритъ въ запискахъ своихъ:

«Вода въ бухтѣ помутилась отъ крови и золы съ угольемъ: трупы турокъ запрудили проѣздъ на шлюпкахъ.»

Чесменская побѣда одна изъ самыхъ полныхъ и знаменитыхъ, какія были одержаны когда либо на морѣ. Кромѣ 17 кораблей и шести фрегатовъ, погибло въ дѣлѣ этомъ большое число всякаго рода турецкихъ судовъ: шебекъ, бригантинъ, полугалеръ, галеръ, фелюкъ, всего близко сотни. Мы промѣняли Евстафій на Родосъ и помянули вѣчною памятью храбрыхъ офицеровъ и команду перваго, погибшихъ со славою. Въ наши времена выстроенъ былъ корабль Память Евстафія.